

М

ощные черные колонки четко выдавали высокие и низкие частоты, создавая безупречный звук. Качественная запись с лицензионного

диска группы «Ария» была дополнительно пропущена через микшер, и теперь голос Кипелова лился водопадом, жесткой волной сотрясая все тело, мозг, позвоночник, сердце. А хорошая доза ширева — пусть даже самопального — под такой аккомпанемент вообще уводила куда-то в неведомые пространства, где ежесекундно рождались, сталкивались и погибали миры, создавая чувство мощи и сопричастности чьей-то великой силе. В общем-то понятно, чьей. Как поется в старинной опере, «Сатана там правит бал!»

Только запах ацетона — необходимого ингредиента для выработки дозы в домашних условиях — слегка портил кайф, но на это можно и не обращать внимания, как на запах курева изо рта красивой девчонки, особенно если и сам куришь...

Крупный бритоголовый парень в светло-серой толстовке и черном трико, полузакрыв глаза, откинулся на спинку дивана. Черная кожаная скинхедовская куртка с белым черепом на рукаве лежала брошенной на кресло. стакан чая в подстаканнике и пепельница стояли перед ним на столике. В руке, безымянный палец которой украшал белый перстень с мордой обезьяны, дымилась сигарета.

Михан всем своим сознанием парил в пустоте. Он словно жил сейчас несколькими жизнями сразу, и в каждой жизни мог ощущать себя в прошлом, настоящем и будущем. Везде было хорошо — даже здесь, в этой комнате со старыми ободранными обоями, с отнюдь не раритетной мебелью. Главное — никто не мешает, и можно забыть о проблемах — хотя бы на какое-то время...

Ушастого он только что выгнал, буквально пинками, за дверь, после того как они сварили дозу и ширнулись. Тот собрался было заторчать здесь же — у него не было своего персонального убежища, чтобы уединиться и побалдеть — но в таких вопросах Михан был беспощаден. — «Принес сырье, помог сварить, получил дозу — и к едрене фене, решай свои трудности сам. Пусть твоя мамаша разбирается с тобой дома, а не молотит по дверям здесь. И вообще, разбирай сам свои проблемы — хоть на помойке валяйся, подобное к подобному! А мне никто не помешает. Свою мать я уже отправил к... ее матери, классный каламбур получился! А то ишь тебе, три дня где-то лазила, не появлялась дома, и нате вам — нарисовалась. Сначала сопли размазывала: «Мишенька, сыночек, мне тебя так жалко!» — а потом начала выпрашивать двадцатку на самогон, к бабке Корове собралась, на пьяный двор, похмеляться! А к ней даже многие алкаши ходить брезгают, из-за того, что намешивает, гадюка, всякую дрянь в свой и без того вонючий самогон». Зная, что за этим выклянчиванием в случае отказа последует двухчасовая непрерывная истерика, плавно переходящая в неизбежный мордобой, Михан полез в карман, сунул ей четвертной и выпихнул за дверь со словами «Езжай к своей маме, пусть она тебя лечит от алкоголизма в очередной раз!» А то пахан-Отцетон вообще чокнулся: отваливает последние бабки на ее лечение, а она тут же снова — к бабкам! — напивается, и все начинается сначала. А ведь была когда-то заботливой и доброй — пока не потеряла работу, которой отдала всю свою жизнь...

«Отцетон» они со старшим братом когда-то прозвали своего отца. Вообще-то это брат придумал — вечно он всякие заумные словечки изобретал — потому, наверное, и пошел на филолога. Например, «буратат» — соль несуществующей буратиновой кислоты. Или вот «дубиноид» — в общем, понятно. Или «мумак» — горькая пародия на слово «мама»... — другим именем они свою мать теперь и не называли.

Впрочем, брат сейчас далеко от всего этого... Везет ему — родился до всего этого бардака и развала, в который превратилась страна, успел отучиться в универе, когда для этого еще не требовалось больших бабок, и живет себе в Москве, и за границу то и дело выезжает. А сейчас — попробуй-ка! Работу — и ту не найдешь, чтобы жить достойно, а про учебу и говорить нечего. Да и отучишься — не факт, что по специальности место найдешь. Везде блат все решает. Хотел за рубеж уехать на заработки, да не получилось.

Вообще-то они до этого ездили с братом в Испанию, с двухнедельной визой — в языке попрактиковаться, и места для работы приглядеть. Да, вот где люди живут!.. Даже в музее Прадо побывал. Видел картины Сальвадора Дали — класс! Видно, что чувак если не ширялся, то курил уж точно! А этот Падло Пикассо — фигня. Эта «Герника» его — параша; и чего с ним так все носятся? Такими художниками — пруд пруди; и многие испанцы мне тогда так же говорили — походил на курсы испанского, кое-чему научился. Надо было тогда и остаться там — с визой, без визы, не пропал бы. А потом — облом. Трудности возникли с получением новой

визы, а брат, как назло, в командировке, в Южной Америке, на целый год — переводчиком в геологоразведочную экспедицию, искать «золото инков». А когда вернулся — братишка его уже успел подсесть на разную дурь...

Цену себе Михан знал. У него есть и руки, и голова. Все домашние работы — сантехнику, электрику, отделку, ремонт самой разной бытовой и автотехники — он мог делать достаточно хорошо, чтобы не испытывать беднежью, и ему не надобно было унижаться и выпрашивать у других себе на дозу — наоборот, это у него кланчили, такие как Ушастый... или Мумак. Но дальше-то что? На учебу нужно столько, что по мелочи не накопишь, а кредит — не возьмешь, потому что нет постоянной работы. Отцетон устроил было его к себе на завод, а тот возьми и закройся через два месяца. А где есть работа — везде блат. Если и возьмут, так пахнешь не за себя, а за того блатного парня, которые есть на любой работе — родня или дружки хозяина. А популизмом заниматься, то есть попу лизать начальникам — нет уж, других поищите. А Отцетон куда-то во вредный цех устроился — и то через знакомство, на копеечную зарплату, и вся его «зряплата» на коммуналку уходит, да еще Мумака лечить пытается. Говоришь ему, что бестолку все это, только деньги зря переводишь — а он толькими руками разводил — типа, а что делать... а потом напивается, чтобы не повеситься от такой жизни — хорошо, что хоть водка дешевая. Интересно, долго он проживет? Вряд ли. Жалко все-таки будет. Вот Мумака — ничуть. Если не пьяная и не ругается — у церкви сидит, подбирается — а потом пропивает все, что набрала. А что толку? Как-то раз примоталась — типа «чего ты в церковь не ходишь, а сатанинские песни слушаешь? Неправильно ты живешь!» — кто бы говорил... Однажды батюшку какого-то привела — а он бормочет-бормочет свои молитвы, а сам норовит за задницу ухватить; да не Мумака, это бы понятно, а меня, Михана!.. Хотел тут же дать ему в тыкву, да он сообразил, на кого напал, и слинял по-шуструму — Мумак говорила, что даже выпивала вместе с ним... Нет, голубым я никогда не был, и не собираюсь — для ФАКультивных занятий у меня Юлька есть. Занимаемся с ней по методу старика Хоттабыча: Трах, трах, тебе — диги — дах! — ничего, молодец девчонка! Правда, с ней тоже когда как — бывает, начнет мозги компостировать — типа «брось свою наркоту, учись — ты же умный, а то пропадешь...» — короче, что путевого бабье может посоветовать? Насчет учебы уже проехали — тут с работой бы хоть раз повезло! Хотя Отцетону Юлька нравится, и наши встречи он одобряет...

Как бы то ни было, мне, Михану, надо выжить. Интересно, долго ли можно прожить, регулярно ширяясь, и не чем попало. А качественным товаром. И не повторять глупость, которую чуть не натворил пару недель назад...

Сначала он решил поехать к брату, вернувшемуся из командировки. Но, оказавшись в Москве, быстро стал тяготиться чрезмерной и мелочной, как казалось, опекой, и предлагаемой работой, в которой так же, как и дома, не было ничего постоянного; работа же за границей, которую брат обещал ему раньше, по каким-то причинам сорвалась; и тогда, без спроса взяв в столе у него тыщу баксов, Михан улетел в Калининград, где у него был друг, который после армии остался в этом русском городе на Балтике, и звал к себе. Хотелось попробовать все сначала, с чистого листа начать, на новом месте. Но работа и здесь (его друг работал «мерчендайзером», а по-русски, грузчиком в гипермаркете), оказалась состоящей из

ежемесячных контрактов, которые могли продлить, или прервать, по усмотрению начальства. Друг решил терпеть и со временем добиться постоянной работы. Михан же, поработав около месяца, разочаровался в бывшем Кенигсберге, и, ничего не добившись, вернулся домой, к постоянно пьяной матери-Мумаку, разрывающемуся между нерешаемыми проблемами Отцетону и друзьям-наркоманам вроде Ушастого. Короче, круг замкнулся, и никакой причины продолжать бессмысленное существование больше вроде бы не было. А бить рожи чернож...ым и черно-рожим, вместе с другими скинхедами, к которым он как-то пристал, тоже осточертело, как и попадать за это в ментовку и отваливать потом штрафы блюстителям порядка и политкорректности... хотя классно бывает поднести кому-то из этих гастарбайтеров к морде перстень с обезьяньей рожой на кулаке и спросить: «Твой портрет?» А то обнаглели: понаехали и командуют, как у себя дома. Россия — для русских! Уважай Россию, или уезжай! А то государству, похоже, это по фигу. Они же все у нас — «россияне»! Одни россияне вокруг — а вот русских, похоже, скоро вообще не останется...

Отхлебнув чай из стоявшего перед ним стакана, Михан снова закурил сигарету. Взгляд его рассеянно скользил по экрану телеящика, где при выключенном звуке ползла лента новостей делового канала РБК — единственного канала, где нет брехни и политического балагана, а есть только новости экономики, нашей и мировой — для буржуев, а не для народа, поэтому никакой лажи там нет — другое дело, что хорошего там тоже ничего для нас нет. Мир живет по своим законам, то лучше, то хуже, но живут — Америка с Европой; ну, а у нас все через... Распад экономики, перевод капиталов за границу, невыплата зарплат — и ведь никому никогда ничего за это не бывает! А попробуй месяц-другой коммуналку не заплатить — тут же приставы заявятся. Такая вот у нас демократия... Ладно, послушаем теперь «Сектор Газа», земляков.

Когда Михан встал, чтобы поменять кассету в плеере, то заметно застучало в висках; стены комнаты ощутимо шатнулись, и пришлось ухватиться за стол, чтобы устоять на ногах. Вставив нужную кассету, он торопливо сел, вновь откинувшись на спинку дивана, и вскоре уже успокоенно слушал прославившуюся на всю страну группу земляков с Левого берега...

Солист, Юрка Хой, чувак с симпатичным и умным лицом и хорошим голосом, пел несусветную похабщину про то, что всю страну пропили на корню, сквозь которую звучала сегодняшняя жестокая реальность, как и на канале РБК.

Отцетон пока не спился, молоток. Как-то держится до сих пор — хотя, что бы я делал на его месте и в его положении — не представляю. По крайней мере, квартира пока исправно оплачивается, и хотя бы одной проблемы перед всеми нами не стоит. И вообще, раньше люди, видимо, крепче были, наверное, экология была другая. Иногда на рыбалку с ним ездим, на моторе — раньше на зорьке с поплавочными сидели, есть что вспомнить — до сих пор не забуду, как мы того здорового линия вытаскивали — а сейчас со спиннингом щучку гоняем, или сетенки ставим. Когда есть рыба, меньше денег в магазин отдаешь — и продукт натуральный, свежий — да и продать иногда можно. С рыбалкой — это Отцетон хорошо придумал. И мне одному дает покататься, и отмазывает от речных ментов, если что — какие-то знакомства у него там сохранились. Фигово будет, если с ним что-то приключится...

Сегодня утром были с паханом на пристани — перегоняли лодку на новую стоянку, на «Чайку» — на прежней, «Инютинке», сильно много за охрану стали требовать... Ну, перегнали, примкнули; потом я пошел в павильон, купил Отцетону литр водки — типа проставляться новым соседям, выпил для приличия с ними пятьдесят грамм; потом говорю ему: «Слушай, папа, будь добр, пока вы тут отмечаетесь, я на рыбалку съезжу, дай мне ключи и документы». И поехал — типа спиннинг побросать, щучку погонять. А сам позвонил Ушастому, подъехал напротив дома, где он живет, забрал его, и покатили на остров — есть тут один, заросший весь, посреди водохранилища. Очень удобно, среди ежевичных зарослей там у нас делянка конопли посажена — рассадой, как помидоры, сейчас уже разрослась. Ну, пропололи ее от сорняков, нарезали немного в пучки, и поразвешали на ветках, чтобы подсохла. А сухую, какую раньше вешали, собрали. Курнули немного там же, посидели-побалдели, и порулили обратно. Ушастого я высадил — и на пристань. Там Отцетон с новыми соседями уже до песняков дошли; так что я не стал им мешать, отдал ключи и документы, и поехал домой.

Но не доехал... Позвонил Горбун, спросил, нет ли товара, а то у него в этот раз мало травы, хотел разбиться у меня. Ну, я сказал, что есть — почему не дать, да и самому заодно можно сразу все запасы сдать — промышляю я малость этим, пока работы нет.

Договорились встретиться на Левом берегу, в «секторе Газа» — районе возле Шинного и СК — не случайно Хой и его группа такое погоняло себе выбрали — это их, так сказать, малая родина; в той самой кафешке, где родился их творческий «коллектив». Отцетон как-то говорил, что в тот самый день вместе с ними бухал, еще не зная, с кем общается — так или нет, у покойника (в смысле Юрика) уже не спросишь... Короче, встретились, взяли по пиву, и двинули к Чернавскому, к Панфилычу на хату.

Горбун — чувак ничего, из ближайшего района нашей области, малость постарше меня, но помельче. У них там, в бывшем колхозе «Сорок лет без урожая» одичавшей конопли было навалом, но теперь всю менты покосили и запахали... А откуда я его знаю — самое прикольное то, что он раньше учился в «чушке», где Отцетон преподавал — было такое дело. А Горбун, хоть и скромненький в быту, во хмелю имел свойство то и дело влетать в какую-нибудь кугу... Алкоголь на него действует, словно на какого-нибудь краснокожего «огненная вода» — напрочь крыша слетает; может натворить черт знает чего, а потом ничего не помнит, только зенками хлопает. А тогда он и еще трое малолетних отморозков постучались в одну хату в его родном селе, якобы воды попить. Но когда хозяин открыл, стали требовать самогону, переколотили все в доме, включая хозяйскую морду... Хорошо, хоть жены дома не было, а то бы непременно ее трахнули. И было бы как в фильме «Заводной апельсин» Кубрика — классная вещь! — хотя Горбун вряд ли его смотрел. В общем, почти все свое время трудового обучения он находился под следствием, «под пиской» у следака (в смысле, о невыезде); и пахану то и дело приходилось ездить — сначала к следакам, потом на суд — и от него здесь кое-что зависело; вернее, от характеристики с места учебы. Ну, и в результате Горбун получил условно, остался на свободе — директору «чушка» не нужны были пятна на его заведении, да и Отцетону он понравился: охотник, рыбак, собаковод, учился неплохо, не балбесничал. Он и сейчас такой — диву даешься, что такого примерного «малчика», как говорит Панфилыч, могли посадить по двести шестой-второй, за злостное хулиганство... Оказывается, мог-

ли — через пять лет он-таки сел на пару годков в Перелешино, и там-то он и скорешился с Панфилычем.

Но еще прикольнее то, что Панфилыч и мой пахан были дружба-нами — давно еще, при коммуняках; а Мумак — даже не верится, что она была когда-то нормальной! — познакомила его со своей подругой Галкой, коллегой по работе. Я еще тогда только «в проекте» был, как Панфилыч говорит... Ну, прожили они пару лет вместе, все вроде нормально было, а потом... прикабил он Галку, кухонным ножиком — она тоже бухнуть любила, а если баба выпьет — жди беды, слово по слову, да вон чем по столу — и в результате сел Панфилыч на двенадцать лет. Ментов он сам сразу вызвал, сдался; а через восемь годков вышел, условно-досрочно — как раз тогда, когда все переменялось — и власть, и страна. Это все Отцетон мне рассказывал. Ну, на зоне Панфилыч уже в авторитетах ходил — это не первая его ходка была — и когда Горбуна туда к ним доставили, сразу его узнал: они вместе с паханом Горбунов магарыч обмывали после суда, еще того, раннего. Представляю: бедный, зачуханный Горбун, «малчик» школьного вида, вваливается в камеру, где местная братва уже нацеливается на него, — а тут смотрящий по камере подзывает его к себе, и спрашивает, небрежно так: «Браконьер?» А тот к нему чуть ли не в ножки кидается: «Здравствуйте! А вы не помните...» короче, пахана моего. — «Как же, как же, помню!» И зажил он после этого в камере как все нормальные люди... А когда откинулся Панфилыч, те, кто над ним, приспособили его типа смотрящим, по наркоте, и зашел Горбун к нам, проставиться, и привет от Панфилыча передать; а я уже тогда покуривал — ну и, известное дело: рыбак рыбака, извините за выражение — издалека, и стали мы кое-когда общаться, но об этом Отцетон ничего не знал и не знает...

Что характерно — ни Горбун, ни Панфилыч ни разу о моем пахане, Отцетоне, ничего плохого не говорили, а наоборот, — ну, типа того, чтобы я его не доставал, а лучше помог когда-нибудь. Надо же... Хотя Панфилыч еще ни разу плохого мне не посоветовал.

Кем он был в прежние времена? Кажется, каким-то деятелем по спорту — «спиртсмен-водкомоторник», как он сам говорит. Иногда рассказывает, как по всему Союзу на соревнования ездил. А еще стихи читает, когда в настроении — Шуру Черного: типа «А на веранде хлопали кальсоны — как вымпел пожилого корабля!» — и рассказывает про свою корабляцкую жизнь — хотя видно, что жизнь эта ему нравилась, что бы он ни говорил сейчас...

Ну, приехали мы куда надо; Горбун отзвонился по автомату, ему сказали, куда подойти, мы подошли, дождались нужной машины, передали товар, и пошли к Панфилычу, за бабками. Зашли, он нам: — «Здорово, браконьер!» — это он Горбуну; «Здорово, архангел!» — это мне. Он меня все подкалывает, за скинхедство; говорит, мол, вашу бригаду надо назвать «Союз Михаила Архангела» — типа того, что до революции был, пора, мол, возродить традиции; бабки отдал и за стол позвал: там бухло, хавчик и все такое — даже икра, на батон с маслом намазанная... Горбун сразу «губастого» накати, я — полста грамм, и сказал: все, лучше покурю после, на улице.

Тут Панфилыч начал со мной типа политбеседу — вот, ты считаешь себя «арийцем»: волосы светлые, глаза голубые, рост высокий, слушаешь группу «Ария», — так и наркоте надо принимать истинно арийскую — пиво и водку, а не эту твою ерунду. Батек твой — это он об Отце-

тоне — мол, истинный ариец, и хоть бухает, но не что попало, как мать, и не так часто. Ну да, говорю, он самогон от Коровы пить не станет, а как напьется, все Ленина цитирует: «Лучше меньше, да лучше», а потом и ходить начинает по-ленински: шаг вперед, два назад. А утром у пивного киоска непременно скажет: «Лечиться, лечиться и лечиться!» А Панфилыч поржал, да и говорит: «А от твоей ширки вреда куда как побольше будет, и лучше тебе это дело бросить — да и если с Дела соскочишь, с пониманием отнесусь. Займись чем-нибудь нормальным!.. Ну, пока, привет батьку!»

Разбежались мы по одному. Я первым порулил, а Горбун еще остался. Может, Панфилычу неохота было одному квасить, а может, еще чего — короче, им виднее, вместе на одной зоне чалились. Мне-то что...

Ну, дома ширнулись с Ушастым, выпер я его, Мумака к ее маме отправил. Отцетон заскочил на минутку, вроде трезвый, удивительно даже, и — в ночь на работу. Даже не успел привет ему передать от Панфилыча. Жаль, хотелось поговорить. И сейчас хочется — есть о чем...

Ведь вытянул меня с того света тогда, две недели назад, когда мне все надоело, накатал я маляву типа «а пошли вы все...», и заглотил полторы упаковки колес с желанием больше никогда не просыпаться, и тащись оно все конем!.. Очнулся в областной больничке, в реанимации, — а пахан рядом. Переживает. По бритой голове гладит, как когда-то маленького... эх! И чего я тогда вправду маленьким не сдох — не видел бы всей этой хреноты, взял бы с собой на тот свет только хорошие воспоминания... Ничего, теперь я знаю, что делать. Отцетон предложил комп хороший купить со всеми фиговинами, с Интернетом, да и делом заняться — даже кредит предложил... Я ему: чего городишь, свежо питание, да ... с трудом; Мумак живо пристроит куда ей надо и комп, и кредит — ведь тебе до сих пор жалко ее... а впрочем, можно ведь разменять хату и жить где-нибудь отдельно — он сам это предложил. В общем, я ему сказал: сейчас еще рано, а через месяц все компы должны подешеветь — тогда и посмотрим...

Потом он спросил, уважаю ли я Билла Гейтса... Вопрос, конечно, интересный. Ясен пень, миллиардер, основатель «Майкрософта», умница, каких поискать — как такого не уважать! Так у него, как мне Отцетон объяснил, оказывается, есть свои правила, типа заповедей, которые он написал для молодых, чтобы им типа легче было в жизни адаптироваться — неужели и сам таким, как я, был?.. Ну, я и прочитал их потом, дома, после выписки. И когда прочел — задумался... Да уж, совсем все по-другому, чем казалось; не так безнадежно. Даже на стенку их у себя повесил, и перечитываю кое-когда. В школе или «чушке» никогда так с нами не говорили... Честно сказано, безо всякой лапши на ушах — про то, что жизнь беспощадна и несправедлива, но она дает каждому из нас шанс... Просто заново посмотри на себя — и борись. Пусть без толку, но борись — и будь готов к шансу — любому, самому мизерному, чтобы подняться хоть чуть повыше. Пусть другие, слабые, сдаются, а ты — нет, не дождутся! А следующий успех подтянет тебя еще чуть выше — а может, и не чуть!.. И может быть, зря я тогда не остался в Калининграде, чтобы по примеру друга добиваться хорошей работы — может, написать ему и спросить, как дела? Тогда с наркотой надо бы притормозиться — неужели не сумею? Вон Отцетон курить бросил — а это, говорят, труднее всего, — значит, и я смогу! И Панфилыч сегодня в тему сказал...

Уже середина ночи. Спать не хочется, но сознание куда-то уплывает. Перед глазами не экран ящика, а ожившая панорама из той же «Арии» — когда это я ее опять поставил, не помню:

На дороге в ад —
ветер и движенье!

(Серый день, серое небо, серый гладкий асфальт, серые призрачные тени, стремительно проносящиеся вперед, и только вперед, в одном направлении, безвозвратно) —

Тормоз — не спасет,
след крови смоем до утра.
Черный всадник мчит, в полном облаченье —

(Почему сердце ударяет так сильно и неровно, до боли в висках?)

...И совсем пуста дорога в рай!!!

Вот она, эта дорога — светлая, неровная. Каменистая, на машине не проедешь — только пешком, с зигзагами, поворотами, она словно подымается в гору. Совершенно пуста, никого на ней нету... но она медленно движется мне навстречу, будто я по ней иду... значит, не совсем она пуста...